

МАСТЕРА — МОЛОДЫМ

Без человека нет литературы. И потому, говоря о том или ином произведении, обсуждая его достоинства или недостатки, мы неизбежно фокусируем внимание на героях писателя, их мировоззрении и характерах, психологии и поступках, их взаимоотношениях друг с другом, с обществом, с временем... И от того, насколько верно написан тот или иной герой, насколько точно и полно удалось автору подметить в нем типичные и характерные черты человека своего времени, в конечном итоге зависит и успех всего произведения. О героях художественной литературы и состоялась наша беседа с прозаиком Николаем Семеновичем Евдокимовым.

— Пожалуй, трудно назвать такого литературного героя, отношение к которому было бы однозначно на протяжении всего времени его существования. Со школьной скамьи остаются в памяти персонажи русской литературы XIX века: Печорин и Чичиков, Татьяна Ларина и Катерина из «Грозы», Обломов и Базаров... И обычно с тех ученических времен надолго укореняются в сознании нашем хрестоматийные разграничения на «лишних людей» и «жертвы «темного царства» или «нигилистов». Лишь потом, с годами, вновь и вновь возвращаясь к любимым книгам, мы вдруг с удивлением (и так случается) как бы заново узнаем давно знакомых нам людей, проживая вместе с ними их литературную жизнь, но в то же время видя их со стороны, из сегодняшнего дня. И тут, наверное, интересно проследить изменение отношения во времени к положительному герою, проблема которого всегда была главенствующей в русской литературе.

— Мне думается, в русской литературе положительный герой главным образом определялся поиском правды в себе — правдоискательством. У Толстого Нежудов в «Воскресении», например, шел к нравственному очищению, неся в себе сознание своего долга перед другими. Но уже тогда в литературу пришел новый герой (Рахметов Чернышевского, например), герой, который во всей полноте сформировался, может быть, в творчестве Горького, — занятый не только поиском правды в себе, но и стремлением к преобразовательству, к активной деятельности. И сила нашей современной советской литературы, помоему, именно в синтезе отношений к герою в их временной протяженности. Взять хотя бы героев Шукшина или Вампилова — они ищут правду не только в себе, но и в окружающем их мире. Степень их участия в жизни измеряется желанием сделать эту жизнь более нравственной. А вот Балуев из романа Кожевникова — человек совершенно иной: он преобразователь, человек дела, который знает, что он хочет и как он этого добьется. Конечно же, Балуев сильно отличается от героев Шукшина или Вампилова, но их объединяют схожие нравственные принципы.

— Именно нравственные принципы, сформировавшие характер героя, и определяют его как героя положительного. Но это вовсе не означает, что тот же Балуев — человек абсолютно идеальный: деловые качества, энергичность и сила воли соседствуют с такими чертами характера, которые для некоторых читателей, пожалуй, будут спорными. А если брать героев Шукшина, то тут дело обстоит еще сложнее: они и ерничают, и выпить не откажутся, и живут зачастую просто нескладно. Так что на разных этапах повествования их положительность, мягко говоря, кажется весьма сомнительной...

— И тем не менее в большинстве это положительные герои. Да, они «чуждики» большей частью, но эта чуждаковость сочетается в них с поразительным нравственным и душевным богатством. Иначе и быть не может, разве удастся нарисовать яркий и образный портрет, используя только черную и белую краску? Человек сложен, в каждом есть какая-то мера, большая или меньшая, добра и зла. Так и в хорошей литературе. Разве однозначны герои Д. Гранина? Или герои Г. Семенова? А как определить героев произведений такого тонкого прозаика, как Ф. Колунцев? Скажем, Чешков из пьесы Дворецкого «Человек со стороны», как отмечалось критикой, герой эпохи НТР, но

еще двадцать лет назад такой герой, появившись он тогда в нашей литературе, был бы назван отрицательным. И если мы возьмем литературу прошлого века, то не найдем ли в Пьере Безухове многие типичные черты, которые находим, скажем, в шукшинских «чуждиках»? А кто, например, Акакий Акакиевич — положительный? отрицательный? — просто человек, несчастный маленький человек, которого таким сделали среда, время. Так всегда было: каждый человек сформирован определенной средой, тем миром и микромиром, тем временем, наконец, в котором он живет. Другое дело, что в положительном герое всегда побеждает высоконравственное начало, в нем заложенное, но оно в равной степени заложено от рождения в каждом человеке.

— Перечитывая ваши книги, обращаешь внимание, что вы, Николай Семенович, сознательно или нет, не расставляете видных акцентов, давая своим героям возможность как бы свободно балансировать на неустойчивой планке между добром и злом или мужеством и бесчестьем, словно предоставляете им самим право выбора своего

не смогла причинить несчастья другим...

— Мы порой сетуем на безгеройность нашей литературы, вспоминая такие книги, как «Молодая гвардия», «Поднятая целина» или «Как закалялась сталь», в которых герои Фадеева, Шолохова и Островского были героями в самом полном смысле этого слова. Но ведь и в наше время появилась такая книга, как «Всем смертям назло» Титова, герой которой повторил подвиг Павла Корчагина.

Я думаю, что тут говорить нужно не об отдельных произведениях, а о всей нравственно-этической линии нашей литературы в самом высоком значении этого слова. О том, что советские писатели разные и по-разному, но все вместе ведут какую-то одну линию, составляющую неповторимое своеобразие нашего искусства. И та девочка из моего рассказа «Была война когда-то», чье сердце, ставшее бомбой, взорвалось в лесу вдалеке от людей, — в мирное время она поступила так, как вела бы себя на войне, то есть спасая тысячи других жизней ценой одной своей...

Наша литература всегда была

Николай ЕВДОКИМОВ:

«ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕКА»

пути. К чести ваших героев, они в большинстве своем находят в себе силы честно жить и противостоять трудностям, то есть, возвращаясь к вам сказанному, в них побеждает высоконравственное начало.

— Признаться, я и сам не взял бы на себя смелость определить, кто из героев романа «У памяти свои законы» или повестей «Необходимый человек» и «Была похоронка» положительный, а кто — отрицательный.

Честно говоря, передо мной такой задачи и не стояло — я просто старался показать своего героя, допустим, Матвея из повести «Была похоронка», в разные моменты его жизни, которая была и не проста, и не так уж праведна. По первым страницам повести мой герой и хвастун, и позер и его поступки не всегда свидетельствуют положительно о его человеческих качествах. Но вокруг него была жизнь высоконравственная, его характер формировался под влиянием чистых человеческих отношений, поэтому в решающую минуту его жизни все, что было в нем заложено и прежде не находило выхода, не дало ему пасть окончательно. Я думаю, что многое формирует духовный мир человека: не только пережитые радости вдохновляют его на высокие поступки, но и перенесенные страдания.

Я всегда стараюсь писать людей такими, какими я их видел. Были они положительными или отрицательными? Наверное, и теми, и другими одновременно, просто в какой-то решающий момент то или иное качество проявлялось более или менее ярко.

— Помнится, у вас был один давний рассказ: о девочке, которую болезненное воображение и постоянный страх перед войной, бывшей или будущей, привели к состоянию нервного напряжения. И в какой-то момент этой девочке ее же собственное больное сердце показало неразрешимый гранатой, которую она столько лет носила в своей груди. Тогда эта девочка ушла подальше от людей, чтобы ее боль

и остается нравственной, учащей добру и справедливости. Но было бы ошибочным считать, что писатель в своем произведении дает какой-то готовый рецепт читателю: если писатель рассказывает о подвиге какого-либо рядового человека, который утонул сам, но спас чужих детей, это не означает, что он призывает всех лезть в воду. Он говорит о высоте человеческого духа. И если это написано правдиво, если рассказанная история шире, объемнее заложенного в ее основу факта — это действительно литература, которая может помочь читателю найти ответ на волнующие его вопросы. А повод для разговора может быть каким угодно.

— Таким поводом для серьезного разговора на многие волнующие темы стала в свое время и ваша повесть «Грешница», которую было бы ошибочно воспринимать только как антирелигиозное произведение.

— «Грешницу» я писал, когда только что была опубликована правдивая повесть В. Тендрякова «Чудотворная», однако в некоторых сходных по теме книгах и статьях проблемы веры раскрывались почти карикатурно. Я не мог изобразить свою героиню Ксению так: Ксения виделась мне прекрасным человеком, глубоким и чистым — и в любви, и в отношении к жизни, но только обманутой той микро-средой, в которой она выросла и сформировалась. Мне было важно сказать о вреде слепого фанатизма, о людях, чье безрассудное поклонение божеству привело к трагедии.

— Примерно в то же время в нашей литературе появился новый герой, образ которого получил яркое раскрытие в книгах молодых тогда писателей, завоевавших прочную популярность в 60—70-х годах. Его отличали подчеркнутая независимость в оценках и суждениях, напускная бравада, желание выгладеть в глазах окружающих сколь угодно плохим, лишь бы за внешней «ершистостью» никто не разглядел его мальчишескую восторженность и легкоранимость.

— Но и этот герой не воспри-

нимался писателями прямолинейно и однозначно, по-разному раскрывался в различных ситуациях. Сегодня этот герой, так хорошо знакомый по повестям, рассказам и пьесам Г. Семенова, Ю. Казакова, В. Амлинского, А. Вампилова и других авторов той поры, заметно посolidнел и оступился и уже не вызывает прежних ожесточенных споров и дискуссий.

— А нового героя, поколение которого уже пришло в нашу жизнь, пока что в современной молодой прозе как будто не видно. Вот вы, Николай Семенович, ведете семинары прозаиков в Литературном институте и в студии при МГК ВЛКСМ и Московском отделении Союза писателей РСФСР. Интересно, какими видят современного героя молодые авторы, заметно ли в их творчестве что-то неординарное?

— По моему глубокому убеждению, новое поколение молодых писателей уже пришло, а о том, насколько будет оно интересным и плодотворным, судить пока что рановато. Появился и новый герой, правда, его героизм назвать как-то непросто: некая разновидность, что ли... — этакий молодой человек, современный, «деловой» или таковым себя считающий, живущий по несколько непривычным законам даже для своего предшествующего поколения. Но есть и другой его тип: герой, которому ничего не нужно (в материальном плане), который ищет свое призвание — именно ищет: едет на стройки, идет на завод, все хочет испытать, все попробовать. Эти герои уже существенно отличаются от героев послевоенного поколения — большей категоричностью и, главное, активным нежеланием все слепо принимать на веру. Каждый из них по-своему интересен, но и, конечно, каждый обладает не только положительными качествами.

— То, что новое поколение идет в литературу с какими-то своими требованиями, своими взглядами, своим героем, вполне естественно и закономерно. Но время и к вам, прозаику старшего поколения, предъявляет свои требования, не дает останавливаться на уже достигнутом. И

ваши последние произведения уже значительно отличаются от тех, написанных десятилетия назад.

— В одной из своих работ великий физиолог И. П. Павлов заметил, что ничего в разуме нет, кроме ассоциаций, правильных и неправильных. Уже не вспомню, как давно я вольно или невольно стал следовать в своей работе ассоциативному единству. Мои последние повести — и «Страстная площадь», и «Обида», и недавно опубликованная «Происшествие из жизни Владимира Васильевича Махонина» — построены не столько на сюжете, внешней связи событий, сколько на внутреннем состоянии моих героев, осмысливающих свою жизнь, которая и событийностью-то бедна. Иначе — на лирическом состоянии героев...

— А изменился ли во времени ваш герой, отличается ли он от героев первых ваших произведений? Или в своем взгляде на человека, заинтересовавшего вас своей судьбой, вы остаетесь верным прежнему своему принципу?

— Мне кажется, что мой принцип подхода к человеку неизменен. Человек всегда стремится к счастью, к любви, доброте, чистоте и духовности, пусть даже не всегда до конца осознает это. В конечном итоге все это и определяет его место в мире. А отношение к нему?.. В своих книгах я не хочу да и не могу делить героев на положительных и отрицательных. Я скажу банальность, но тем не менее всякий человек так глубок и сложен, он никогда не был и не может быть однозначным в своих поступках и душевных проявлениях. Я видел очень много людей, вроде бы и положительных, но в поступках своих часто проявляющих какие-то отрицательные черты своего характера, и наоборот.

В своих произведениях я не могу брать на себя функции судьи человека и не хочу выносить кому-либо приговор за те или иные поступки — хочу только понять его. А для того чтобы понять человека, суть его характера, нужно его исследовать. В этом, наверное, и есть цель писателя — исследовать и понять, что заставляет человека поступать так или иначе в наше сложное, противоречивое и прекрасное время. Хочу верить, как верил всегда, что в каждом должна победить и обязательно победит совесть.

Беседу вел
Георгий ЕЛИН